

Е. Б. БЕШЕНКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ ФЕДОРА ЭМИНА

*Памяти
Александра Иоакимовича
Лященко*

«Все попытки установить подлинную биографию Федора Эмина были безуспешны; он создал о себе столько легенд, так запутал вопрос о своем происхождении, что отличить выдумку от правды крайне затруднительно».¹ За четверть века, минувшие с тех пор, как были опубликованы эти строки лучшего знатока и интерпретатора творчества Эмина, мало что изменилось. Биография одного из любопытнейших литературных деятелей русского XVIII в. остается столь же запутанной, как и прежде, а это существенно сказывается на возможности правильного истолкования его сочинений.

В этой статье предпринимается еще одна попытка выяснить действительную историю жизни Ф. А. Эмина на основании документов, рассеянных по различным архивам Москвы и Ленинграда.

І. До приезда в Петербург

«Самый любопытнейший из романов Эмина есть собственная жизнь его».

(Н. М. Карамзин)

Существует четыре варианта биографии Эмина, которые мы рассмотрим в хронологической последовательности их появления на свет.

Первый из них был опубликован Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях».² Здесь со слов

¹ Гуковский Г. А. Эмин. — В кн.: История русской литературы, т. IV, ч. II. М.—Л., 1947, с. 256.

² Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 253—258.

Эмина рассказывалось, что он родился около 1735 г. от небогатых родителей в Польше или пограничном с нею русском городе. Один иезуит обучил его латинскому языку и другим «употребительным в их школах наукам», а затем взял с собой в путешествие. Странствуя по различным государствам Европы и Азии, они прибыли в Турцию, где случилось с ними какое-то «приключение», о котором Эмин «объявлять не хотел». Из-за этого приключения взят он был под стражу; чтобы избежать «вечной неволи», принял мусульманство и несколько лет прослужил янычаром. Однако он не оставлял надежды вернуться на родину и однажды, познакомившись по случаю с капитаном английского корабля, упросил взять его с собой. Так Эмин оказался в Лондоне, и здесь, намереваясь «принять природную свою христианскую веру», обратился он к русскому посланнику кн. А. М. Голицыну, в 1758 г. принял крещение, а в 1761-м приехал в Петербург.

Другая версия, по словам ее издателя, С. Л. Копнина, также записана со слов Эмина и опубликована впервые как приложение к религиозно-правоучительному его трактату «Путь ко спасению».³ Она повествует, что Эмин родился в 1735 г. в небольшом венгерском городке Липпе на самой турецкой границе. Отец его был венгр, а мать полька. Он обучался в иезуитском училище, где «острою ума и успехами» привлек к себе внимание учителей. Один из них, отправляясь миссионером в Азию, взял его с собой. Дальнейшее нам уже знакомо.

В Англии, живя в Лондоне, Эмин старался изведать все христианские религии. «Найдя греко-российскую справедливее прочих», он явился к А. М. Голицыну, в домашней церкви которого и был окрещен. Вскоре после крещения приехал в Петербург.

В 1784 г. первый издатель «Пути ко спасению», С. Л. Копнин, передал оригинал и право на издание М. К. Овчинникову,⁴ который также не преминул внести свою лепту в биографию Эмина. Он опубликовал рассказ некоего «достойного веры» человека, утверждавшего, что знал Эмина еще в детстве и учился с ним в Киевской академии латинскому языку, грамматике, риторике, философии и богословию. По словам этого человека, Эмин был родом или из России, или из польского местечка, расположенного неподалеку от Киева. Жил он в бурсе, но, имея склонность к странствованиям, удалился из Киева, и «слышно было», что он находился в Константинополе.⁵

Таковы были опыты изложения биографии Эмина до выхода в свет «Словаря светских писателей» Е. Болховитинова. Здесь,

³ Путь ко спасению, или Разныя набожныя размышления, в которых заключается нужнейшая к общему знанию часть богословия. Сочиненный покойным кабинета ее имп. величества переводчиком, титулярным советником Феодором Александровичем Эминным. СПб., 1781.

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. III. М., 1966, с. 437.

⁵ Путь ко спасению... СПб., 1784, с. 15—16 (пенум.).

кроме известных трех вариантов, был помещен еще один, разительно отличавшийся от остальных.⁶ Это было прошение Эмина о принятии его на русскую службу, представленное Коллегии иностранных дел в мае 1761 г.⁷

Эмин рассказал здесь, что он родился в Константинополе и происходит от разбогатевших в Турции выходцев из Польши. Отец его был «губернатор Лепанта», а мать — невольница-христианка. В семье Эмин выучил польский и латинский языки, а затем был отправлен в Венецию для обучения итальянскому. По возвращении он узнал, что отец смещен и отправлен в ссылку. Был устроен побег, и они нашли приют у старого знакомого отца — алжирского бей. Здесь Эмин принял участие в алжиротунисской войне, конвоировал попавшего в плен сына бей Туниса и получил за это звание «кавалерийского полковника». Счастье, однако, было недолгим. Вскоре после окончания войны его отец, назначенный «губернатором Константинской и Бижийской провинции», умер от ран, Эмин был вынужден возвратиться в Константинополь, а оттуда, дав матери обещание принять христианство, отправился в Европу торговать пряностями. В пути на корабль напали «морские салетинские разбойники». Эмин попал в плен, но вскоре сумел бежать на случайно подвернувшейся лошади в португальскую крепость, объявил здесь о своем желании креститься и был отправлен в Лиссабон.

Здесь по личному распоряжению короля он обучается догматам христианской религии под руководством самого кардинала. Тем не менее вскоре Эмин убедился, что православие более ему по сердцу, нежели католичество, и, несмотря на уговоры короля, отказался от крещения в Португалии и отбыл в Англию. В Лондоне он сразу же явился к русскому посланнику, принял крещение и отбыл в Россию.

Собрав варианты биографии Эмина, Болховитинов отказался тем не менее сделать какое-либо определенное заключение об их достоверности. «Из всех сих разноречивых сказаний, — резюмировал он, — чему верить — неизвестно».⁸

Первая попытка анализа вариантов биографии Эмина была предпринята в 1873 г. М. Н. Лонгиновым. Сопоставив тексты, он пришел к выводу, что «все четыре повести о жизни Эмина не имеют никакого биографического значения и, конечно, ни одна из них не достоверна».⁹ «Из всей этой путаницы, — писал далее М. Н. Лонгинов, — можно сделать лишь следующие заключения:

⁶ Друг просвещения, 1806, № 9, с. 200—203.

⁷ Видимо, было сообщено Болховитинову Н. Н. Бантышом-Каменским.

⁸ Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей... М., 1845, с. 220.

⁹ Лонгинов М. Н. Федор Александрович Эмин. — Русская старина, 1873, № 7, с. 616.

а) родители Эмина были, вероятно, не русские; б) родился он не в России; в) исповедания был не православного; г) успел как-то приобрести разные познания и выучиться где-то разным языкам, обладая хорошими способностями; д) он много странствовал по разным государствам; е) с ним где-то случилось какое-то приключение, вероятно весьма его компрометировавшее, и можно полагать, что это-то и было причиной первоначальной запутанности и разноречивости показаний о самом себе Ф. Эмина, желавшего скрыть нити, которые могли довести до каких-либо не делавших ему чести деяний».¹⁰

Неопределенность и проблематичность этих заключений М. Н. Лонгинова была слишком очевидной, чтобы не вызвать нареканий у последующих исследователей. Наиболее отчетливо они сформулированы у А. И. Лященко еще в курсовой работе о романах Эмина. «Выводы [Лонгинова], — писал он, — слишком ничтожны и неопределенны для того, чтобы ограничиться ими».¹¹ В связи с этим Лященко сделал попытку описать биографию Эмина, стараясь при этом определить значение каждого из вариантов и выяснить общее в них, что «подтверждается местами из сочинений Эмина, заключающих в себе немало биографических данных и могущих дать довольно полную характеристику автора».¹² Однако, несмотря на оптимистичность прогнозов, результаты анализа вариантов мало чем отличались от выводов Лонгинова. Единственным существенным отличием было признание польского или южнорусского происхождения Эмина, подтверждавшееся наличием в его сочинениях большого числа слов и выражений польского или украинского происхождения¹³ и свидетельством А. Л. Шлецера о плохом знакомстве Эмина с турецким языком.¹⁴

Этот вывод А. И. Лященко, совпавший со словами «очевидца», учившегося с Эминым в Киевской духовной академии, повлиял на всех последующих исследователей. В середине 30-х годов его

¹⁰ Там же, с. 616—617.

¹¹ Лященко А. И. Ф. Эмин и его литературная деятельность. — Архив Академии наук (далее сокращенно — ААН), ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 19. Это исследование было начато еще на 3-м курсе историко-филологического факультета Петербургского университета в семинаре А. Н. Незеленова (там же, оп. 2, ед. хр. 514, л. 3), дополнялось и перерабатывалось в дальнейшем, однако было опубликовано лишь в незначительной своей части: (А-А-А [Лященко А. И.]. Материалы для библиографии Ф. А. Эмина. — Библиограф, 1892, № 8—9, с. 320—322; Лященко А. И. Публицистический элемент в романах Эмина. СПб., 1898; А. Л-ко [Лященко А. И.] Эмин. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауз—Ефрон, т. 80, с. 763—764).

¹² ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 19.

¹³ Там же, л. 24—24 об.

¹⁴ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлещера, им самим описанная. СПб., 1875, с. 161.

поддержал Г. А. Гуковский,¹⁵ а ныне он безраздельно господствует в научной литературе.¹⁶

Между тем рассмотрение аргументации А. И. Ляценко показывает, что пока не существует веских аргументов для предпочтения какого-либо из вариантов. Они останутся равнодоверенными или равнонедоверенными до тех пор, пока не будут привлечены какие-то дополнительные свидетельства.

Если же мы обратимся к архивным документам, сохранившимся в достаточном количестве, то должны будем констатировать, что существующая точка зрения нуждается в решительном пересмотре. Дело в том, что Эмин представил в Коллегию иностранных дел не только излагавшееся уже прошение о приеме его на русскую службу, но и несколько документов, подтверждавших справедливость содержащихся в нем фантастических с виду деталей. Среди этих документов обращает на себя внимание паспорт, выданный 19 ноября 1760 г. в Лиссабоне.

Некий «барон Деписус», советник при «статской канцелярии», сообщает здесь, что из города Марзаган на корабле «Гварда Коста» приехал «Магомет Эмин, турецкаго закона дворенин константинопольский». Эмин представил в «статскую канцелярию» паспорта, по переводе которых стало известно, что он сын генерала «именем Гуссейн бека». Достоверность этого факта подтвердили «многие знатные персоны», а также выкупленный из плена капитан шведского корабля, «который его, Магомета, привез на своем корабле с четырнадцати кантарами разных сортов прених кореньев, ему принадлежащих, и с многими деньгами, с которыми он взят был от саятинских морских разбойников».¹⁷

Кардинал-ректор Кременто Роиз де Карвалло в аттестате, выданном 18 ноября 1760 г., засвидетельствовал, что действительно Магомет Эмин был обучен по приказанию короля и, не желая принять христианство в Португалии, испросил разрешение на отъезд во Францию.¹⁸ Разрешение было дано, и 20 ноября 1760 г. Эмин получил паспорт от французского консула в Португалии,¹⁹ но неожиданно изменил первоначальное намерение. 25 ноября он получает паспорт от английского консула,²⁰ 12 февраля прибывает в Лондон,²¹ а 26 февраля 1761 г. иерей русской посольской церкви

¹⁵ Г-ий [Гуковский Г. А.]. Эмин. — В кн.: Энци. словарь «Гранат», т. 53, стб. 668.

¹⁶ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960, с. 376; Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965, с. 105.

¹⁷ Архив внешней политики России (далее сокращенно — АВПР), ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 8/1, ед. хр. 7 (Дело по просьбе выехавшего из Константинополя турчанина Федора Емина (Еминовского) в российскую службу по познанию его многих языков), л. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 5 об.—6.

²⁰ Там же, л. 13.

²¹ Там же, л. 13 об.

в Лондоне обратил Эмина в православную веру.²² 11 апреля он получил паспорт от А. М. Голицына и на английском корабле «Пропшект» отправился в Россию.²³

Кроме паспортов, для подтверждения подлинности своей биографии Эмин написал несколько писем в Константинополь и в Смирну к родственникам и людям хорошо его знавшим.²⁴

Первое из них было адресовано в Константинополь к матери его Рукье Ладен: «Почтеннейшая много милостивейшая, дражайшая моя матушка! При отдании Вам с покорностию моего низжайшаго поклона и вопроса о Вашем благополучном пребывании, любезные Ваши руки целую. Ежели же обо мне, рабе Вашем, изволите спросить, и я, благодаря Бога, Вашими святыми молитвами по ныне нахожусь в добром здравии, а притом по повелению Вашему в желаемое нами место я прибыл и, жизнь свою в радостях препровождая, уповаю на вышняго Творца, что в государственную службу вступить надеюсь, в чем достоин явлюсь. О чем вот узнав, прошу милостивым Вашим призрением и материнскими своими молитвами нас не лишить. В протчем государям моим братцам и сестрицам свой низжайший поклон отдаю и желаю ведать о их благополучном пребывании. А когда Вы письмо вознамеритесь написать, то через подателя сего легко переслать можете».²⁵

Другие три письма были адресованы родственнице, Эмине Ладен, в Константинополь и в Смирну к «Гасану и Мегмету агам» по прозвищу «Мелементам». У писем стояла подпись «Магомет али Алжирской».

Для большей же уверенности у всех нужно было спрашивать: «Помянутой Мегмет али какой был природы, физиономии, какой знак он имел на руке, что ему случилось с Ибрагимом в Смирне и почему он знаком алжирскому дею».²⁶

Как видим, в документах, представленных Эминым в Коллегию иностранных дел, получают убедительное подтверждение основные эпизоды его фантастической биографии. Проверка этих сведений, предпринятая Коллегией, не внесла никаких коррективов. Русский посланник в Турции А. М. Обресков сообщил, что мать Эмина умерла несколько месяцев тому назад, а от дальнейших справок он отказался, опасаясь привлечь внимание.²⁷

Подтверждаются и другие, доступные проверке эпизоды этой удивительной жизни. Известен в литературе правитель Константины Гуссейн бей — голубой глаз (a l'oeil bleu), который был главнокомандующим алжирских войск во время алжиро-тунис-

²² Там же, л. 14.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 2—2 об., 16—16 об.

²⁵ Там же, л. 2—2 об.

²⁶ Там же, л. 17—17 об.

²⁷ Там же, оп. 89/1, ед. хр. 3, л. 137 об.—138.

ской войны 1756 г.²⁸ Вполне естественны и сообщаемые Эминым сведения об учебе в Италии, поскольку итальянский язык был обязательным элементом в программе обучения знати Леванта до середины XVIII в.²⁹ Наконец, в формулярном списке сына Эмина, Николая, сказано, что он происходит от «иностранных» родителей.³⁰

Все это показывает, что «фантастический» вариант биографии Эмина, которому никогда не придавалось серьезного значения, гораздо более достоверен, нежели остальные, более прозаические версии. Но, чтобы окончательно убедиться в этом, необходимо выяснить мотивы, вследствие которых они появились на свет.

Решение этого вопроса непосредственно связано с обстоятельствами петербургской жизни Эмина и литературной судьбой его сочинений.

II. В Петербурге

В мае 1761 г. уроженец Константинополя, растерявший бывшее свое благополучие, доезжает до Петербурга на деньги, занятые у английских купцов.³¹ Он мог, пожалуй, вместе с Северином Потоцким сказать: «Теперь единственная пора, что человек с именем может все приобрести при русском дворе. Еду за всем!».³² Но петербургская жизнь явилась для Эмина далеко не такой лучезарной, какой могла ему показаться в Лондоне. Подав прошение о принятии его в российское подданство и службу, он в ожидании решения перебивается случайными заработками, получая пособие в 50 рублей на год, определенное для приезжих иностранцев.³³

Спустя два месяца, не получив никакого ответа, он подает челобитную канцлеру М. И. Воронцову, где говорит, что уже третий месяц живет «собственным иждивением, лишь надеясь на будущее»,³⁴ и не догадывается, по-видимому, что причиной задержки явилась собственная его биография. Фантастические обстоятельства жизни Эмина показались М. И. Воронцову слишком уж подозрительными, и, несмотря на представленные документы, не смотря на заверения Эмина о том, что «несправедливо было по-

²⁸ Vayssettes E. Histoire de Constantine sous les Beys depuis l'invasion turque jusqu'à l'occupation française (1537—1837). Alger—Paris, 1869, p. 168; Mohamed Seghir ben Youssef. Chronique tunisienne. Tunis, 1900, p. 397; Plantet E. Correspondance des beys de Tunis et des consuls de France avec la cour (1577—1830), t. II. Paris, 1894, p. 498.

²⁹ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, с. 83. О жизни поляков в Турции см.: Reychman J. Życie polskie w Stambule w XVIII wieku. Warszawa, 1959.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 3, ед. хр. 2565, формулярный список № 6.

³¹ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2 об.

³² См.: Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898, с. 126.

³³ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2 об.

³⁴ Там же, л. 3.

думать, что разных держав посланники, а именно французский, английский, португальский и русский», могли его рекомендовать, не зная о его происхождении,³⁵ А. М. Обрескову был послан приказ узнать «о предъявлениях Эмина и о родственниках его в Константинополе находящихся».³⁶ После же ответа Обрескова, посоветовавшего держать Эмина подальше от турецких дел и выразившего сомнение в полезности «выходцев и разкащиков» подобного толка,³⁷ карьера Эмина в Коллегии была предрешена. Несмотря на то что 11 июля 1761 г. его все же принимают на службу,³⁸ ему не удастся в дальнейшем, даже после многочисленных прошений,³⁹ подняться по служебной лестнице выше звания переводчика «поруческого чина» до самого своего ухода из Коллегии в 1763 г.⁴⁰

Не получив ожидаемых чинов и денег, Эмин тем не менее старался поддержать репутацию сына алжирского вельможи. С восхитительной откровенностью рассказывает об этом в одном из его романов: «Место, при котором я находился, было весьма знатное; и как при оном месте находящиеся люди были почти все

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 3 об.

³⁷ «Мать вышедца турченина, в Лондоне греко-российской закон приняшаго, о коем в канцелярской цидуле Государственной коллегии иностранных дел от 12 минушшаго июля упоминаетца, по разведованию слышно пред несколькими месяцами умерла; потому письмо его у меня находитца, да и протчия к свойственникам и знакомцам его доставить воздержался, не видя никакой нужды для него в подобной переписке, когда он христианский закон принял и по смерти его в Империи вашей остатца намерен. А к тому же она переписка могла бы возбудить любопытство знать, где он находитца, и по открытии настоять и меня беспокоивать о освобождении его. Какого же он состояния, то я с точностию ничего сказать не могу, но сколько эксперименция показывает, в подобных выходцах и разкащиках весьма редко бывает. Почему, когда ваше императорское величество всемилостивейше повелеть соизволите в высочайшую вашу службу принять, по малой мере сколько мне слабейше кажетца, надлежит держать его в совершенном отдалении не токмо от всяких дел до здешней державы касающихся, но и от границ, и всякое письменное сношение воспретить и воспрепятствовать» (АВПР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 89/1, ед. хр. 3, л. 137 об.—138. Ср.: Арзуманова М. А. Новое об Эмине. — Русская литература, 1961, № 1, с. 183).

³⁸ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2.

³⁹ В 1762 г. он подает челобитную на имя Петра III, где просит дать ему чин капитана-поручика и 400 рублей в год, а иначе «турецкий народ», узнав, в каком бедственном положении находится их полковник, утратит свое «доброхотство к обращению», вместо того чтобы «спешить» к православной вере и российской службе (Арзуманова М. А. Новое об Эмине, с. 182). 11 июля 1763 г. Эмин снова сообщал Коллегии, что он изучил русский язык, «сколько силам и возможности было сходственно», и просил или определить ему жалованье в 400 рублей, или уволить его, чтобы он смог подыскать себе подходящее место (ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 3 об.).

⁴⁰ Эмин был уволен из Коллегии в конце июля 1763 г. с обычным аттестатом, где говорилось, что он «при помянутой Коллегии поступал добропорядочно» (ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 3 об.).

знатной породы и великолепно одевались, то я, видя отменную некоторых вельмож ко мне милость и надеясь от них вспоможения, вошел в немалые долги и наделал на себя платья, чтоб честолюбию моих повелителей удовольствовать».⁴¹

Однако надежды на «вспоможение» оказались тщетными, и Эмин должен был сам заботиться о своем благополучии. Одолеваемый кредиторами,⁴² он одновременно со службой в Коллегии иностранных дел устраивается преподавателем итальянского языка в Сухопутный шляхетный кадетский корпус и в Академию художеств,⁴³ а затем начинает зарабатывать на жизнь литературным трудом. «Жалованье, которое я получал, — писал он впоследствии, — больше раздражало, нежели утолить могло мой голод; тогда я, не зная каким образом промыслить себе кусок хлеба, начал упражняться в сочинениях».⁴⁴

⁴¹ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла... СПб., 1763, с. 213.

⁴² По умению занимать деньги Эмин фигура примечательная. В сентябре 1763 г. был опротестован вексель, выданный им «торговому иноземцу» Иоганну Готлибу Цизмеру на 100 рублей (ЦГАДА, ф. 1239, ед. хр. 52038, л. 28, 48); в феврале—марте 1764 г. сразу семь векселей: от петербургского купца Федора Кружевникова на 120 и 106 руб., галицкого купца Алексея Галушина на 125 руб., петербургского купца Ивана Андреева сына Одноушевского на 130 руб., нерехотского купца Михаила Пастухова на 104 руб. 73 коп., солигалического купца Якима Серебрякова на 26 руб. 70 коп., «галанского» купца Андрея Андреева сына Будышки на 172 руб. 46 коп. (там же, л. 21 об. и 46 об.); в сентябре 1764 г. от приказчика обер-директора Саввы Яковлева Василия Дружинина на 27 руб. (л. 23) и петербургского купца Ивана Большого Пикина на 43 руб. (л. 24); в августе 1765 г. от обер-директора Михайлы Яковлева на 240 руб. (л. 55); в ноябре 1766 г. от петербургского купца Андрея Гаврилова сына Гвоскова на 100 руб. (л. 58). Донесения о взыскании с Эмина долгов см. также: ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 36, ед. хр. 100, л. 30; ед. хр. 102, л. 48 об., 107.

⁴³ Имеющиеся свидетельства ограничивают пребывание Эмина в Сухопутном кадетском корпусе 1762—началом 1764 г. 12 августа 1762 г. для него выписывали «грамматику итальянскую с французским» и «лексикон с французского на итальянский» (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, ед. хр. 3172, л. 49); 5 октября он требовал для кадетов бумагу (ед. хр. 3173), 16 декабря — «грамматик российских с итальянским 40» (ед. хр. 3175, л. 1). 6 февраля 1763 г. И. И. Шувалов по представлению Ф. Эпинуса распорядился за «приложность» Эмина и «успехи в его обучении» прибавить к его жалованью 50 рублей (ед. хр. 3200, л. 3—3 об.). 28 января 1764 г. вместо Эмина преподавателем итальянского языка был взят Венедикт Майер (ед. хр. 3185, л. 26). В Академии художеств Эмин начинает служить в 1763 г. (Серман И. З. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 208. Еще в октябре 1762 г. учителем итальянского языка значился Иван Тихомиров: ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 5, л. 71), упоминается в списках преподавателей 26 апреля 1763 г. (ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 9, л. 26), а первого мая был уволен, поскольку множество дел по Коллегии не позволяло ему «посещать классы» (Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. СПб., 1904, с. 463).

⁴⁴ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла..., с. 213. Имущественные дела Эмина несколько поправились после того, как в конце 1763 г. он определился переводчиком в Кабинет императрицы («у переводу случающихся по Кабинету текущих дел и книг»). ЦГАДА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 47, ч. V, л. 230) и не только стал сочинять по должности, не только издавал свои

Так Эмин приходит в русскую литературу. На этом новом для себя поприще он проявляет невиданную для тогдашних русских писателей активность, поразившую и современников, и последующих исследователей его творчества. За семь лет (1763—1770) он издал 19 томов сочинений и переводов, а в конце жизни достиг такой литературной известности, что смог продать петербургскому купцу С. Л. Копнину даже ненаписанные свои произведения.⁴⁵

Так в изнурительной борьбе за существование, в напряженной литературной работе прошли для Эмина недолгие годы его петербургской жизни. Он испробовал самые разнообразные способы «пропитания», и среди них не последнее место занимала спекуляция собственной биографией. Рассказанная вначале в петербургских салонах при большом стечении слушателей и в интимном кругу, она начинает затем распространяться через посредство печатного станка.

Первый роман Эмин написал о самом себе.

6 июня 1763 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «Продается книга Миромандово похождение, часть первая, в которой сочинитель описывает разные свои приключения и многих азиатских и американских земель обыкновения».⁴⁶ Здесь в «Мирамонде» нашла полное свое отражение и обросла фантастическими подробностями турецко-алжирская биография Эмина. Он и дальше почти в каждом из своих сочинений не забывал упомянуть о «неудачной Фортуне» и многолетних странствиях, обыкновениях Востока и турецких родственниках. Эти рассказы находили благодарных читателей и позволяли Эмину собирать свою жатву вплоть до 1768 г., когда грянула русско-турецкая война. В новой обстановке турецкое происхождение вряд ли могло способствовать служебному благополучию Эмина, и он, сменивший уже однажды религию и неоднократно варьировавший в зависимости от конъюнктуры политические свои взгляды,⁴⁷ принес на

книги на казенный счет, но и сумел испросить у Екатерины II под залог будущих сочинений 2500 рублей на уплату долгов (Арзуманова М. А. Новое об Эмине, с. 182; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 351, л. 367—367 об.).

⁴⁵ ААН, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 143, л. 2—3. («Дело о продаже купцу С. Л. Копнину сочинений покойного кабинетского переводчика Федора Эмина»). Получив в залог более 8000 рублей, Эмин так и не смог исполнить обещанного. 16 апреля 1770 г., видимо не выдержав напряженного литературного труда и подорвав здоровье, он умер «от болезни точно не известной» 35 лет от роду (Бешенковский Е. Б. Историкографическая судьба «Российской истории» Ф. А. Эмина. — В кн.: История и историки. М., 1973, с. 283).

⁴⁶ Объявление было написано самим Эминым (ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 672, л. 37 об.).

⁴⁷ Едва перейдя под покровительство Г. Г. Орлова и поступив при его посредстве на службу в Кабинет императрицы, Эмин в последней части «Похождений Мирамонда» выступил с критикой Шуваловых; вскоре после этого в сатире «Сон» высмеял бывших своих покровителей из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Наконец, в 1765 г. Эмин, в начале своей петербургской карьеры ратовавший за иностранцев и говоривший об их

этот раз в жертву собственную биографию.

По «совету» одного из своих покровителей Эмин написал и издал в 1769 г. «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», сочинение откровенно антитурецкое, в котором Эмин заявил о своей политической лояльности. Именно здесь он впервые упомянул в печати о том, что вступил «по нужде» в янычары.⁴⁸

Этот факт, не имеющий соответствия в «турецкой» версии происхождения Эмина, поскольку сын «губернатора Лепанта» не мог служить в янычарах, упоминается в рассказах Новикова и С. Л. Копнина, и нам предстоит теперь выяснить, какой же из них отражает в большей степени новое «изустное сказание» Эмина.

При сопоставлении первого и второго вариантов биографии Эмина обнаруживается их очевидное сходство.

1-й вариант

Эмин Федор Александрович родился около 1735 года в Польше или пограничном с Польшей российском городе от небогатых родителей, которых и лишился он в младенчестве. По случаю попал он в руки к одному иезуиту, который обучил его латинскому языку и другим употребительным в их школах наукам. Путешествуя с ним по разным европейским и азиатским государствам, прибыл он, наконец, в турецкую землю, где было с ним приключение, о котором он не объявлял, но в результате которого был взят под стражу и ради избавления от вечной неволи, вынужден был принять магометанство. Затем, не имея другого пропитания, вступил он в турецкую службу и был несколько лет янычаром. Ведя жизнь против своего желания, искал он всегда способа уехать в Европу. По случаю познакомился с капитаном английского корабля и упросил увезти с собой. Капитан согласился, и Эмин попадает в Лондон. Здесь он живет некоторое время под именем Мехмета Эмина, затем, намереваясь принять природную свою христианскую веру,

2-й вариант

Федор Александрович Эмин родился в 1735 году в небольшом венгерском городке Лише на самой турецкой границе. Отец его был венгерец, а мать — полька. В 1737 году попал он вместе с матерью в плен к туркам, однако мать сумела воспитать его в католичестве. По окончании войны возвратился в отечество и отдан был на обучение в иезуитское училище, где остротою ума и успехами привлек внимание учителей. Один из них даже содержал его на своем иждивении и, отправляясь в Азию в должности миссионера, взял его с собой. Путешествуя по разным европейским и азиатским странам, прибыли они в Турцию, где было у него некое приключение, о существовании которого никому не хотел он объявлять. Будучи взят под стражу, расстался он со своим миссионером и для избавления от вечной неволи вынужден был принять магометанство. Не имея другого пропитания, пошел он на турецкую службу и несколько лет прослужил в янычарах, потом ушел на английском судне в Англию и, живя в Лондоне под

полезности для России, обрушился с критикой на М. Ф. Каменского за умеренное восхваление прусских военных маневров. Это неизвестное ранее сочинение Эмина было опубликовано Л. Н. Майковым как анонимное (Майков Л. Н. М. Ф. Каменский у Фридриха II. — Русский архив. 1873, № 7, с. 198—213). Приписано Эмину в одном из сборников Н. С. Тихонравова (ГБЛ, ф. 299, ед. хр. 24, л. 205 об.—208 об.).

⁴⁸ Краткое описание Оттоманской Порты. СПб., 1769, с. 47.

является к русскому министру в Лондоне, где по желанию его в 1758 году был окрещен. В 1761 году приехал в Петербург.

именем Магомета Эмина, старался изведать все христианские религии. Найдя греко-российскую справедливее прочих, явился к российскому посланнику князю Голицыну, в домашней церкви которого при обращении в веру был переименован Федором. Восприемником был сам посланник. Наконец, из Лондона приехал он в Петербург.

Обилие текстуальных и фактических совпадений исключает независимое происхождение вариантов. Начиная со слов «путешествуя по различным европейским и азиатским государствам», они практически идентичны друг другу и избыточны текстуальными связями. Очевидно, что С. Л. Копнин воспользовался для составления биографии новиковским текстом, существенно видоизменив лишь его начало. Так и возникли два варианта происхождения Эмина, по одному из которых он родился в России или в Польше, а по другому — в венгерском городке Лише. Но, как уже было выяснено, Эмин довольно поздно отказался от турецкого происхождения. С 1769 г., когда появляются первые следы переделки биографии, до апреля 1770 г., когда он покончил счеты с жизнью, прошло чуть больше года. Крайне сомнительно, чтобы за столь короткий срок и без особых на то оснований Эмин сочинил две различные версии своего происхождения. К тому же он не мог не догадываться, какую бурю насмешек вызовет у его литературных врагов отказ от турецкого происхождения. Едва только Эмин объявил, что он не турок и, следовательно, все его рассказы, которыми он в течение 7 лет занимал читателей и петербургское общество, не что иное, как плод его фантазии, в литературе и в сатирических журналах появилось множество язвительных насмешек над незадачливым сыном алжирского бей. Теперь Эмину уже не верили ни его друзья, ни его многочисленные враги, начавшие гадать, каково же действительное происхождение бывшего «полковника кавалерии». Одна из этих версий, живо напоминающая новиковскую, принадлежит давнему недругу Эмина М. Д. Чулкову, который предположил, что Эмин «в певдомой стране в Хохландии родился».⁴⁹ Причем по контексту видно, что основанием для этого суждения Чулкова явилось не какое-то новое «сказание» Эмина, а лексика его сочинений. Турецкие «обыкновения» описаны в ранних романах Эмина таким русско-польским языком, что нетрудно было прийти к выводу о его польском и украинском происхождении. О концептуальном характере этой версии биографии Эмина говорит и тот факт, что сам он публично отказался в «Адской почте» от украинского происхождения.⁵⁰

⁴⁹ Чулков М. Д. Плачевное падение российских стихотворцев. СПб., 1769.

⁵⁰ Адская почта. СПб., 1769, с. 234.

Совокупность изложенных фактов приводит нас к выводу, что начальная часть рассказа Новикова, по-видимому, не восходит к Эмину, а является домыслом автора «Исторического словаря о российских писателях».⁵¹

При составлении второго варианта биографии С. Л. Копнин воспользовался, по-видимому, семейными «преданиями»⁵² или собственными воспоминаниями о рассказах Эмина, нехитрым образом дополнив ими сведения Новикова. В этой новой версии, приложенной к религиозно-правовучительному трактату Эмина, появляются уже явные элементы жития, сведения о том, как он долго раздумывал, какую же религию ему избрать, и остановился в конце концов на православии, подробные обстоятельства крещения и пр.

Но, видимо, слишком невероятным показалось читателям «Пути ко спасению», чтобы недавний выкрест с успехом исполнил роль православного проповедника и стал автором книги, выдержавшей в XVIII—XX вв. несколько десятков изданий. Это противоречие окончательно снято в третьем варианте биографии Эмина, к которому сам он, по-видимому, не имеет никакого отношения. Создатель этой очевидной выдумки почерпнул у Новикова сведения о происхождении Эмина, затем переделал иезуитское училище второго варианта в Киевскую духовную академию, и Эмин предстал перед читателями «Пути ко спасению» православным от рождения.

Так сын алжирского бея окончательно акклиматизировался в России, оставив рассказами о своей удивительной жизни, противоречивыми и талантливыми своими произведениями заметный след не только в сознании современников, но и в истории русской литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ПРОШЕНИЕ ЭМИНА О ПРИЕМЕ ЕГО НА РУССКУЮ СЛУЖБУ

«Serenissima Potentissima e grande Imperatrice
Sourana Clementissima

Il mio Avo, oriundo di Polonia, essendo in servizio della Maestà Cesarea Luogotenente capitano nella cavalleria destinata ai confini verso la Turchia per un accidente passò in Zvornik, capitale della Provincia di Bosnia, dove

⁵¹ Сомнительно, чтобы в рассказе Эмина была столь неясная фраза: «...родился в Польше или пограничном с Польшей российском городе».

⁵² С. Л. Копнин был знаком с Эмином и с его женой Ульяной. По-видимому, от нее он и получил оригинал «Пути ко спасению» (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. III, с. 436). Фамилии жены Эмина остается пока неизвестной. Из формулярного списка сына его, Николая, видно лишь, что он происходит из «иностраных и российской императорской службы штаб-офицерских детей» (ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 3, ед. хр. 2565, формулярный список № 6). Внучка Эмина, Вера Николаевна, вышла замуж за Я. И. Ростовцева (см.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, с. 337).

essendo perseguitato fù constreto d'abbracciar la setta Mahometana per timore della vita, e fù impiegato in servizio del Governator di sopradetta Provincia, il quale vedendo la sua abilità lo creò suo Luogotenente Generale e gli diedde il modo di comprar una Baronìa con alcuni feudi; in quel tempo egli sposò la figlia del Giudice della detta Provincia dalla quale nascendo il mio padre fù educato nella mede[si]ma Corte. Dopo la morte del Basha mio padre andò in Constantinopoli per aver il governo di Bosnia e frà tanto comprò una schiava christiana dalla quale naqui io; et essendogli stato recusato il governo di Bosnia fù obligato d'accettar il governo di Lepanto per dove essendo stato spedito, lasciò la mia madre meco a Constantinopoli, e dopo cinque anni mandò a prenderci appresso di se, ove io per il spacio di dieci anni fui ammaestrato nella lingua Latina e Polaca le quali lui possedeva a sufficienza, dopo me mandò a Venecia per imparar la lingua Italiana; e al mio ritorno lo trovai per accuse deposto del suo governo et inseguito essiliato nell'isola di Mettellina nell'archipelago di dove dopo tre anni avendo trovato il modo di sortire andò in Algeri et essendo conosciuto al Rè fù creato dal mede[si]mo Governatore delle due Provincie Constantina e Bigie. Quando poi dopo qualche tempo s'allumò la guerra fra Algeri e Tunisi allora il mio padre fù destinato Saraschere o sia Generalissimo delle truppe del suo Rè che mandava contro Tunisi nella quale spedizione ebbe la Fortuna, non solam[ente] di conquistar tutto il regno ma altresì di prender captivo il proprio figlio del sconfitto Rè, il quale con molte altre Spoglie fù consegnato a me ch'ero in seguito del mio padre per condurlo in Algeri, il quale avendo io condotto fui del Rè creato colonello della cavalleria; poi quando il mio padre morì d'una ingangrenata ferita, io prendendo il mio congedo tornai a Constantinopoli appresso la mia madre, colla quale restando qualche tempo, gli comunicai l'intencione ch'avevo preso di passare in Europa per abbracciar la Religione Christiana alla quale essa m'aveva instruito dalla mia fanciullezza, e così per evitar ogni sospetto andai di là a Smirna e comprando Droghe per la somma di tre milla cechini m'imbarcai sopra un Bastimento Svedese per andar a Gibilterra ma per mia disgracia fui per viaggio preso d'un Corsaro Salatino e condotto a Zummura, piazza del Regno di Marocco dal governatore della quale domandai come Mahometano la restitucione delli miei effetti ma in vece di ciò: supponendo esso ch'io fossi il Capitano dalla Bandera volle arrestarmi e insidiar la mia vita, il che io vedendo mi buttai sopra un Cavallo che per mia buona sorte era attaccato alla porta del detto governatore e presi il cammino della fortezza portoghese Marsagam, distante cinque miglia da Zummura, et arrivai a salvamento, e fui immediatam[ente] condotto al governatore della detta fortezza, e come Turcho ero in procinto di perder la libertà m'avendogli esposto ch'andavo in Christianità per abbracciar la Religione mi spedì in Lisbona dove la sua Maestà Portoghese ch'ha per costume dar audienza à gli stranieri mi fece venire in sua presenza, e informandosi della mia intencione, comando al cardinal Carvallo acciò m'instruisca alli dogmi della religione apresso il quale restai per il spacio di molti mesi, e fui non solam[ente] instruito alli dogmi della religione m'altresì imparai la lingua portoghese e inglese che communem[ente] ivi si parla, dopo di ch'avendo io conosciuto la differenza che v'è fra il Rito Romano e Greco e per altro ansioso di venire in Russia e abbracciar la fede Ortodoxa mi presentai novam[ente] al Rè e supplicai d'aver la permissione di partir per Francia e con tutto esser della sua Religione con tutto ciò ch'il detto sovrano s'offrì d'esser il mio padre del Battesimo se o volessi vedendomi fermo nel mio proponimento mi diedde la permissione di partire e imbarcandomi sopra un Vascello inglese venni in Londra e il mede[si]mo giorno mi presentai all'ambasciador di Codesta Corte Imperiale, e fui Battesato dal mede[si]mo, e dopo qualche tempo fui spedito d'esso qui sopra una nave inglese munito da varij passaporti et attestati, i quali tutti ho presentato al Collegio degli affari Straneri.

Supplico adunque umilissimam[ente] Vostra Imperiale Maestà in considerazione del mio zelo per la Religione Ortodoxa e del mio fervore col quale ho ricorso al glorioso Impero di Vostra Maestà aver compassione d'un forestol

siccome possedo la lingua Turcha e passabilmente la Latina, Italiana, Polaca, Inglese e Portuguese supplico la Clemenza di Vostra Maestà impiegarmi al servizio di Vostra Maestà ovunque saro guidicato degno di poter servir Vostra Sacra Imperial Maestà assegnandomi un proporcionato salario col quale potessi mantenermi decentemente.

Di Vostra Maestà Imperiale umilis[si]mo,
devotis[si]mo, obedientis[si]mo servo Theodoro Eminowski.

(АВПР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 7/1, ед. хр. 7, л. 11—13. Автограф).

«Всепресветлейшая державнейшая великая императрица
государыня всемилостивейшая.

Дед мой, родом поляк, обретался в службе его цесарского величества поручиком от кавалерии при определенных в пограничных с турками местах полков, откуда по причине некоторого приключения, в столичной Бошняцкой провинции город Зверник перешел; и, будучи в гонении, принужден для спасения своей жизни магометанской закон принять, вследствие чего тамошней губернатор, узнав не в продолжительное время его искусство, в генералис адъютанты к себе принял и дал ему способ маетность тамо купить и жениться главного судьи тамошней провинции на дочери, от которой родился отец мой и его воспитание имел при дворе упомянутого генерал губернатора. После же смерти его отец мой, поехав в Константинополь, домогался Бошняцкое губернаторство себе достать и женился на купленной им от христианского закона невольнице, от которой родился я, нижайший.

По прошествии же несколько время видя отец мой, что Бошняцкаго губернаторства себе достать не может, принужден [был] удовольствоваться данным ему от Порты Лепанским губернаторством. Куда отправясь, оставил меня с матерью в Константинополе, и спустя пять лет меня к себе взял и довольно им знаемым латынским и польским языкам чрез десять лет обучал, а потом отправил меня на обучение италинскаго языка в Венецию. И по возвращении моему оттуда, застал я отца моего, лишенаго губернаторскаго по клеветам чина и в архипелаге в Метелинской остров в ссылку тогда сосланнаго. Откуда, нашед по прошествии трех лет способ себя спасти, в Алжир поехал, и по знакомству с тамошним владельцем в губернаторы Константинской и Бижийской провинции им пожалован, а когда потом между Алжир и Тунезей война началась, тогда отец мой сераскером или главнокомандующим над определенным против Тунезя государя своего войском назначен. В которой экспедиции оный отец мой щастием своим не токмо всю вышеписанную Тунезскую область завладел, но и сына побежденнаго владельца в полон взял и онаго со многими иными, в добычу полученными знаками к алжирскому владельцу чрез меня отправил. Котораго я приведя ко двору вышеписаннаго владельца, полковником в кавалерии за то от него пожалован.

По прошествии же некотораго времени отец мой, в столичной алжирской город приехав, от полученных при баталии ран умер, а я, нижайший, увольнение от реченнаго владельца взяв, в Константинополь возвратился. И прибыв к матери моей [при которой оставался некоторое время] о принятом мною намерении объявил, что я желаю в свропейские край поехать и воспринять христианской закон, к которому она в моем малолетстве меня наставляла.

И для избежания всякаго подозрения отправился я из Константинополья в Змирне и тамо, купя товару на три тысячи червонных, на шведское судно грузил и в Жибралтар отправился, но нещастием морскими салетинскими разбойниками оное судно [было] взято и в Мароцкой город Дзумуре привезен. Где я о возвращении помянутых моих товаров у тамошняго губернатора, яко магометан у его единозаконников, хотя и про-

сил, однако вместо того, сомневаясь он, что я не хозяин тех товаров, но только защитник того судна, хотел меня арестовать и животом вовсе лишит. Что я видя, бросился на привязанную щастием моим в воротах того губернатора лошадь и в разстоянии от того места в пяти верстах состоящаго португальскаго города Марзагам спасся и к тамошнему губернатору немедленно представил, которой хотел меня яко турченина невольником учинить, но я ему объявил, что я в христианскую область для восприятия закона следовал. И тако он в Лизбон меня отправил, где его португальское величество, обыкновение имея всех чужестранцов в аудиенцию свою доставлять, приказал меня к себе допустить, и, уведомясь о моем намерении, кардиналу своему Карвалу велел христианских меня догмат обучать.

При котором кардинале я несколько месяцев быв, не токмо христианских обрядов, но и португальскаго и англискаго языков, кои там обыкновенно говорятся, обучен. Чрез что, узнав я имеющихся между греческим и латинским законом разности, а притом алчно желая в Россию приехать и православной закон воспринять, к королю паки явился и просил, чтоб дозволено было мне во Францию ехать. И, хотя его величество обещался крестным отцом быть, ежели [бы] я в его закон креститься хотел, однако видя непоколебимость моего намерения, дозволил мне ехать. И [я], на англиское судно убравшись, в Лондон отправился, куда прибыв, в той же самой день к министру здешняго императорскаго двора явился и чрез него святое крещение воспринял, и на англиском судне сюда от него потом отправлен. И, прибыв, имеющихся при мне разные документы в Государственную коллегию иностранных дел подал.

Того ради вашего императорскаго величества раболепно прошу в разсуждении усердия моего к православному закону и ревности, с какою я к славной вашего императорскаго величества империи прибежал, милосердие над бедным чужестранцом показать и по посредственному моему знанию турецкаго, италиянскаго, аглицкаго, латынскаго, португальскаго и польскаго языков в службу вашего императорскаго величества меня принять и определить к чему достоин явлюсь, произведя мне сходное жалованье, которым бы я мог без нужды себя содержать и вашему императорскому величеству служить.

Вашего императорскаго величества нижайший,
преданнейший и покорнейший слуга
Феодор Еминовский».

(АВПР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 7/1, ед. хр. 7, л. 7—9 об. — в деле перевод предпослан оригиналу. За сверку итальянскаго текста и перевода, а также за ряд ценных замечаний приношу благодарность Н. В. Котрелеву).

II. ПРОШЕНИЕ ЭМИНА О ВЫДАЧЕ ЕМУ ЗАИМООБРАЗНО 1500 РУБЛЕЙ НА УПЛАТУ ДОЛГОВ И ЗАВЕРШЕНИЕ «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»

[1768 г. до июня]

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Бьет челом кабинетной переводчик Федор Эмин, а о чем тому следуют пункты:

1

В 1763 году принят я в кабинет вашего величества переводчиком на место переводчика капитанскаго рангу Савидского тогда, когда еще никого из переводчиков при кабинете не было, и на первый случай опре-

делено мне 400 рублей жалованья на год. После меня взят Федор Ушаков из сержантов кадетских, которой неограниченным вашего величества милосердием давно уже кабинетным секретарем пожалован. Борис Салтыков и Владимир Лукин, оба из армейских поручиков, также штатские чины давно получили, а я, не хотя утруждать прозьбами монархию, на пользу отечества безпрестанно трудящуюся, по ныне при прежнем нахожусь чине, хотя я всеми мерами старался усердием моим с прочими равняться. Я же с немалою моею семьею не могши себя содержать определенным мне на первой случай жалованьем, вошел в долг и оный сочинением и переведением некоторых книг сколько возможно уплачивать старался, так что уплатил уже больше 800 рублей долгу, в которой я вошел, строя дом, которой мне стал с липком в две тысячи рублей. Но как ныне я желаю исполнить волю вашего величества, принялся к сочинению Российской Истории уже тому другой год и еще по крайней мере лет через четыре сей мой труд продолжится, потому что оная книга будет состоять в 10 немалых томах, следовательно меньше трудных книг мне сочинять и чрез то иметь обыкновенный свой доход будет невозможно, то ваше величество всепокорнейше прошу о пожаловании меня чином и жалованием тем, которое Федор Ушаков при кабинете вашего величества, будучи произведен в секретари, получал. Сие вашего величества милосердие будет мне укреплением в сем моем весьма полезном труде, котораго уже два томы с дозволения целого академического собрания напечатаны.

2

Также же, всемилостивейшая государыня, всепокорнейше прошу кабинету вашего величества повелеть выдать мне заимообразно денег полторы тысячи рублей на оплату долгов и на прочия потребности, ибо я купил больше, нежели на 200 рублей книг, из российской истории потребных, да и ныне разные записки покупать стараюсь, плачу оных переписчикам и двум корректорам по 50 рублей в треть, не могши без них обойтись.

Профессор Шлецер, обязавшийся пятый уже тому год сочинять российскую историю, которой и начала еще нет, получая довольное жалованье, имеет трех при Академии на жалованье вашего величества помощников, а я, будучи принужден один из множественных авторов собирать разные о России описания и замечать все страницы, на которых оныя изображены, потом новонапечатанные листы с оными сличать, нет ли и в числе страниц ошибок, не мог того миновать, что бы не нанять двух корректоров для смотра за такими мелкостями, весьма много времени занимающими.

Я и прежде из кабинета вашего величества взял тысячу рублей на четыре года, и в три года уплатил уже 800 рублей, и ныне всеподданнейше прошу всемилостивейше повелеть мне выдать полторы тысячи на пять лет и вычитать оную сумму по 300 рублей в год из моего жалованья. А после окончания сего моего труда, предаюсь великому вашего величества милосердию.

Всемилолюбивейшая государыня, ваше императорское величество всеподданнейше прошу о сем моем прошении милостивейше учинить разрешение.

Сию челобитну писал я, Федор Эмин, и руку приложил».

(ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 351, л. 367—367 об. Автограф).

III. ДОГОВОР С С. Л. КОПНИНЫМ

«1768-го года июня дня в Санктпетербурхе я, нижеподписавшийся, заключил сей договор с санктпетербургским купцом Сергеем Леонтьевым сыном Копниным в нижеследующем:

Г-с, продал я ему, Копнину, нижеписанные сочиняемые мною книги, первую Российской Истории пять томов, ис коих первых четырех томов по две тысячи экземпляров, а пятого тома весь выход, то есть две тысячи двести экземпляров ценою за каждый напечатанный кроме переплету экземпляр по шестьдесят по две с половиною копейки. А всего за вышеозначенное число десять тысяч двести экземпляров, шесть тысяч триста сорок пять рублей. О печатании коих старание иметь мне, нижеподписавшемуся, своим коштом, а как оные отпечатаны и совсем готовы будут, то ему, Копнину, все упомянутое число экземпляров без всякой остановки, которая от меня зависеть может, я отдать должен; вторую — переводимых мною Польской истории пять же томов, каждого тома по тысяче по двести, итого шесть тысяч экземпляров ценою за каждый без переплету по пятьдесят по две с половиною копейки, итого три тысячи сто пятьдесят рублей, котору б также на мой кошот от напечатания очистить и ему, Копнину, отдать должен; третью — сочиненныя мною четыре части, каждой части по тысяче по четыреста, а всех пять тысяч шесть сот экземпляров по договорной цене за тысячу триста шестьдесят рублей, ис котораго числа следует ему, Копнину, за напечатание оных заплатить в Академию шесть сот рублей, а достальные семь сот шестьдесят рублей надлежит от него, Кошнина, мне; всего по договорной цене за упомянутое число экземпляров означенных трех книг следует получить от него, Кошнина, денег десять тысяч двести восемьдесят пять рублей, в которую сумму по нынешнее число получено мною от него, Кошнина, наперед денег восемь тысяч рублей. А в то восьмитысячное число отдано от меня ему, Кошнину, вышеобъявленных книг по предписанной договорной цене, а имянно: Российской истории первого и второго тома четыре тысячи экземпляров на две тысячи пятьсот рублей, Письма Эрнеста и Доравры все четыре части пять тысяч шесть сот экземпляров, за изключением денег, подлежащих к плате в Академию как вышеозначено за напечатание оных на семь сот шестьдесят рублей; всего в получение от меня им, Кошниным, показанных по цене на четыре тысячи пятьсот дватцать рублей. А затем в зачет в последующие Российской и Польской истории достальных трех томов осталось за мною его, Кошнина, денег вперед три тысячи четыреста восемьдесят рублей, которые деньги не инако ему получать как следующими Российской истории тремя, а Польской тремя же томами. Да при отдаче ему, Кошнину, от меня Российской истории третьего тома получить мне от него, Кошнина, пятьдесят рублей, четвертаго — двести пятьдесят рублей, а при отдаче пятого тома — пятьсот рублей. Да с будущаго июля получать мне от него, Кошнина, на каждой месяц по пятидесяти рублей в первых или в последних числах мне потребны будут. Да на мой щот платить ему, Кошнину, за пару лошадей для езды моей, и сверх того по получении от меня пятого отпечатаннаго Российской истории тома, снять имеющихся на мне разных людей долгов не более двух тысяч рублей емуж, Кошнину, на себя. А что за мною его, Кошнина, по расчоту денег останется, то к платежу следует при начале печатания шестаго тома. В то время ему ли отдавать мне последния Российской истории томы или за собою оставлять, по рассмотрении с обеих сторон обстоятельств, новый договор учинен будет.

Сей договор обе стороны свято и ненарушимо наблюдать должны. На подлинном подписано: К сему договору в уверении, что онаго все пункты ни под каким видом нарушить я не должен, руку прилагаю. Ея величества кабинета переводчик Ф. Эмин.

А с моей стороны те пункты, которые до меня принадлежат в сем контракте, что наблюдать должен, подписуюсь. Санктпетербургской купец Сергей Кошин».

(ААН, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 143, л. 2—3. Писарская копия).